

Необычайно широкое и глубокое развитие потенциальных возможностей дагестанских языков вызвано прежде всего влиянием русской художественной литературы. Наиболее переводные из дагестанских поэтов, не довольствуясь устаревшими, почти застывшими в своем развитии фольклорными образными средствами, шаблонными метафорами, успешно применяют новые средства литературного языка, опираясь на лучшие образцы русской художественной литературы. В результате этого обогащается и стилистическая система литературных языков Дагестана. Именно поэтому перевод произведений русской литературы на языки Дагестана оказывается одним из самых могучих и действенных средств их развития.

Таким образом, развитие литературных языков Дагестана идет, во-первых, путем выявления и использования потенциальных ресурсов дагестанских языков и, во-вторых, путем освоения и творческой переработки всего ценного и переводного, что проникает в дагестанские литературные языки из великого русского языка.

Ш. И. Микаилов

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАКТИЧЕСКОЙ ТРАНСКРИПЦИИ

На страницах журнала «Вопросы языкознания» были опубликованы статьи Л. С. Карума и Г. В. Шиникте относительно передачи русских имен собственными средствами латинского алфавита¹. Сопоставляя обе эти статьи, хочется прежде всего отметить несомненно правильную точку зрения Г. В. Шиникте относительно того, что при введении какой-то системы передачи надо иметь в виду цель, назначение этой системы: рассчитываем ли мы на массового читателя, которому надо дать транскрипцию, более или менее соответствующую действительному произношению слова, но без знаков, отсутствующих в его национальном алфавите, или же мы имеем в виду библиографа, работника паспортного стола, служащего в банке, для которых важно единство графики, чтобы правильно расставлять каталожные карточки, оформлять документы или денежные бумаги. Академическая система Л. В. Щербы применима только во втором случае². В первом случае необходима транскрипция по правилам английской, немецкой, французской и т. д. орфографии, и это вовсе не приспособленчество (так считает Л. С. Карум), а наоборот, большое преимущество, позволяющее людям зарубежных стран по возможности правильно произносить русские имена собственные, а не коверкать их так, как это делается с именами других латиноязычных языков. Так, *Нью-Йорк*, *Ньютон* и *Байрон* (*New York, Newton, Byron*) произносятся во Франции *Нёйорк*, *Нёмон*, *Бирон*. По ложной аналогии с английскими *Браун* и *Кейпмаун* (*Brown, Cape Town*), которые во Франции произносятся *Брун* и *Капмун*, французы произносят и в славянских окончаниях *-овский*: *Домбровский*, *Понятовский* (*Dombrowski, Poniatowski*)³. Французский фонетический словарь⁴ дает произношение польской фамилии *Лещинский* (*Łęczyński*) — *Лесенски*. Аналогичным названием подвергаются все иностранные имена собственные во всех странах, если они переходят в том же написании из одного языка в другой. Кроме того, иностранные имена подчиняются ритмическим законам принимающего языка, о чем свидетельствует перенесение в них ударения на последний слог во французском языке, на первый — в германских языках и т. п. Большие того, диакритические знаки, которым Л. В. Щерба придает такое значение, нередко отбрасываются во французских, английских и т. д. изданиях. Их по возможности сохраняют в Германии, да и то не всегда. При таких условиях лучше было бы ввести буквенную диакритику, но Л. В. Щерба восстает против нее, требуя изображения каждого звука одной буквой.

Отметим, однако, что Л. В. Щерба, а вслед за ним и Л. С. Карум не правы, говоря, что все латиноязычные языки оставляют без изменения графику имен собственных других латиноязычных языков. Так, например, в латышском языке издавна существует традиция именовать написание иностранных имен в соответствии с их произношением: *Schepirs, Šermanis* и т. п.

¹ См.: Л. С. Карум, О транслитерации латинскими буквами русских фамилий и географических названий, ВЯ, 1953, № 6; Г. В. Шиникте, О транслитерации собственных имен, ВЯ, 1954, № 5.

² См. Л. В. Щерба, Транслитерация латинскими буквами русских фамилий и географических названий, ИАН ОЛЯ, 1940, вып. 3.

³ См. R. h. Martinon, Comment on prononce le français, Paris, 1913, стр. 343.

⁴ A. Varbeau et E. Rodhe, Dictionnaire phonétique de la langue française, Stockholm, 1930.

В ряде зарубежных стран имеются инструкции по передаче славянских имен собственными средствами латинского алфавита¹. Правила этих инструкций в основном совпадают с передачей русских имен собственными Издательством литературы на иностранных языках. Значит, и за границей стремятся правильно произносить наши имена, и мы не должны пропагандировать транслитерационную схему, непонятную для целого ряда народов. В наше время, когда растет и развивается непосредственное устное общение между народами, транслитерация должна уступить место транскрипции. Сравните несколько изданий карт или атласов на русском языке. В каждом последующем издании имеются коррективы транскрипции зарубежных географических названий в сторону приближения к произношению: так, *Гуль* (*Hull*) стал *Халла*, а *Кадикс* (*Cadiz*) — *Кадис*. То же самое наблюдается и в фамилиях: *Кичлев* (*Kichlew*) стал *Кичу*.

Оригинальный способ разрешения этой проблемы нашли редакторы журнала «Le maître phonétique». Вот как они передают фамилию Д. Н. Ушакова: [de ɛn u ʃ a'koʃ]². Такая передача удобна тем, что она одина для всех языков и сохраняет произношение. Но журнал этот целиком печатается транскрипционными знаками, понятными лишь людям со специальной подготовкой. Применение же такой транскрипции в массовом масштабе невозможно по тем же соображениям, что и применение академической системы Л. В. Щербы.

Интернациональность латинского алфавита очень условна. Он не применяется во многих странах. Да и может ли существовать вообще единый алфавит с единообразным чтением букв? Вряд ли, ибо и древняя латынь читается в разных странах по-разному, подчиняясь орфоэпическим нормам живых языков. Так, *Юлий Цезарь* (*Julius Caesar*) по-английски *Джулиус Циза*. Французы часто назализируют латинские гласные перед л. Это лишь раз подтверждает тот факт, что многие знаки латинского алфавита имеют разночтения в национальных языках и плохо понятны в международном масштабе.

Не останавливаясь на ряде непоследовательностей в системе Л. В. Щербы, обратим внимание на проблему, связанную с вышеизложенным, но не затронутую ни в одной из трех статей, — на проблему транскрипции, передачи иностранных имен собственными средствами русского языка. Этот вопрос в настоящее время является не менее актуальным, чем тот, о котором шла речь выше; разработка он пока недостаточно³, а практические возможности его решения значительно больше, поскольку здесь внедрение в практику на всей территории нашей страны может быть достигнуто законодательным путем.

В русских печатных изданиях транскрипции подлежат все элементы иностранной лексики, которые нельзя перевести на русский язык. Под транскрипцией мы понимаем в данном случае передачу иностранных слов и имен собственными средствами русского алфавита без каких-либо добавлений к нему и с тем значением букв, которое свойственно ему в обычном употреблении. Такая транскрипция, употребляющая лишь тридцать три знака для передачи всего многообразия звуков всех языков, не может быть достаточно точной. В этом ее отличие от транскрипций, принятых в учебниках и словарях. Но это ничуть не умаляет ее значения, поскольку цель ее совершенно иная: на научной основе дать иностранные слова в форме, удобной для русского читателя, ввести их в русский язык, сделать их элементами словарного состава русского языка. Такую транскрипцию можно назвать практической.

У нас в стране с практической транскрипцией соприкасаются все учреждения, имеющие отношение к иностранной литературе: Главное управление по делам геодезии и картографии (ГУГК) «Большая Советская Энциклопедия», ТАСС, редакции газет и журналов и т. п. Все эти учреждения как-то решают для себя транскрипционный вопрос, но, к сожалению, до сих пор в даваемых ими транскрипциях нет единства. Не говоря уже о стихийности транскрипций Издательства иностранной литературы, где на страницах одной монографии можно встретить разные транскрипции одних и тех же авторов, отметим, что «Правда» и «Известия» по-разному транскрибируют некоторые имена собственные. Такое положение объясняется, во-первых, отсутствием координации в работе поименованных учреждений и, во-вторых, самим характером транскрипции, ее условностью, возможностью по-разному передавать на русском языке одни и те же иностранные слова.

Условный характер транскрипции и неразработанность ее теоретических положений

¹ См.: «Cirilbetűs címek átírása könyvtári és dokumentációs célokra», [Budapest], 1951; «Regeln für die alphabetische Katalogisierung in wissenschaftlichen Bibliotheken», Leipzig, 1952, содержащих правила транскрибирования, и т. п.

² «Le maître phonétique», 3-е série, London, 1954, № 102, стр. 28.

³ Значительный опыт транскрибирования, накопленный редакциями «Большого советского атласа мира» и «Морского атласа», слабо используется другими организациями, да и то лишь постольку, поскольку это касается топонимики; на ономастику он почти не распространяется.

ний приводят к тому, что все занимающиеся транскрипцией испытывают трудности, разрешить которые невозможно в одиночку, без обмена мнениями. С этой целью в Москве в октябре 1953 г. было проведено совещание по вопросам транскрипции фамилий, а в марте 1955 г. в Ленинграде состоялось совещание по вопросам транскрипции географических названий. Но совещания эти касались только отдельных областей применения транскрипции. Еще не было всеобщего совещания, которое выработало бы транскрипционное единство для всех учреждений.

Остановимся на некоторых вопросах практической транскрипции. Прежде всего надо отметить, что при транскрибировании не следует увлекаться фонетизмом, допуская большой разрыв между русской транскрипцией и иностранной графикой, потому что в практической работе очень часто возникает необходимость обратной транскрипции. Это касается, в частности, передачи редуцированных гласных. В ряде языков гласные полного образования в безударном положении могут редуцироваться в нейтральный звук [ə]. Но если передавать все безударные гласные через русское *э* (после согласных — *е*), то по этой транскрипции будет невозможно восстановить подлинное написание иностранного слова и, таким образом, она потеряет свою практическую ценность. Так, например, английские фамилии *Селман* и *Риммон* (*Selman, Rimmon*) получат одно и то же окончание *-мен*. Затруднительным будет здесь и фонематический принцип передачи: единое буквенное обозначение в русском языке для каждой иностранной фонемы. Такая передача была бы идеальной, но она невозможна, потому что нет междуродных фонем и каждому языку присущ свой собственный фонемный состав, не совпадающий с составом фонем других языков.

Следовательно, не может быть достигнуто такое положение, чтобы каждая фонема иностранных слов находила себе в русском языке единое буквенное изображение. Так, например, три французские фонемы [è], [é], [a] в русском языке могут передаваться только через *э* в начале слова и после гласной и через *е* в остальных положениях, и нельзя ввести, скажем, обозначение *э* для *è* и *е* для *é*. В русском языке нет фонематического противопоставления *e/a*, и если мы его попытаемся ввести, это будет непонятно читателю, незнакомому с особенностями французского языка, т. е. мы получим условное, а не обычное употребление букв русского алфавита. Другой пример: фонема [j] получит в русском языке двойное выражение: 1) посредством букв *е, я, ю, ё* в начале слова и между гласными; 2) через *й* между гласной и согласной и на конце слова. А как быть при фонематической транскрипции с нейтральным гласным [ə], фонематическую самостоятельность которого (для английского языка) доказывает Г. П. Торсуев¹.

Итак, транскрипция не может быть ни чисто фонетической, ни чисто фонематической. Практическая транскрипция имеет непосредственное отношение к лексикологии, поскольку полученные с ее помощью «факты» служат для пополнения словарного состава языка. При этом определяющим является произношение слова с учетом его написания в родном языке, а также с учетом русских орфоэписко-орфографических норм. Исходить следует из полного литературного, а не разговорного или диалектного произношения, а при наличии нескольких вариантов произношения выбирать наиболее близкий к орфографии и наиболее соответствующий правилам чтения. Так, в слове Джоуиза² имеются следующие варианты произношения фамилии *Howard: Хэйуорд, Хоуард, Хорд*. Следует выбрать первый вариант.

Сам факт транскрипции собственных имен с латинизирующих языков на русский существует уже очень давно. Часто, особенно в дореволюционное время, перевод иностранных произведений и транскрипция имен собственных делались людьми, не знавшими живой иностранной речи, на один манер со всех языков, т. е. транскрипция подменялась голый транслитерацией. В результате этого для ряда собственных имен выработалась более или менее устойчивая традиционная форма русской транскрипции, хотя порой далекая от подлинного произношения. Игнорировать эти традиции нельзя. Они были признаны в 1934 г. отделом транскрипции Научно-издательского института «Большого советского атласа мира», чтобы не создавать большого разрыва между старой и новой транскрипцией, они признаются и теперь. Однако не стоит и увлекаться ими.

Все существующие традиции следует разделить на лингвистические и персональные. Лингвистические традиции касаются передачи некоторых отдельных фамилий, определенных морфем и букв. Эти традиции можно принять или не принять, но, приняв какую-нибудь из них, от нее не следует отступать. Как примеры лингвистических традиций можно привести следующие фамилии: англ. *Williams* — *Вильямс*, *Harry* — *Гарри*, *Howard* — *Гоуард*, *Stanley* — *Стэнли*, *Charles* — *Чарльз*; нем. *Hermann* — *Герман*, *Hofmann* — *Гофман*, *Oppenheim* — *Оппенгейм*. В качестве примеров традиционной передачи отдельных морфем можно отметить англ. *ham* — *ем* в окончаниях, *Ham* — в начале слова: *Ingham* — *Ингем*, *Hamstead* — *Хамстед*. К традициям в пе-

¹ См. Г. П. Торсуев, *Фонетика английского языка*, М., 1950, стр. 102—114.

² D. Jones, *An english pronouncing dictionary*, London — New York, 1954.

передаче отдельных букв можно отнести передачу английского конечного *z* через *с* и *и* англ. *ш* между гласными через *а*: *Lees* — *Лис*, *Halloway* — *Халлоуей*; голландск. *у* через *е* и *г* через *з*: *Van Vries* — *Ван-Врис*, *Groningen* — *Гронинген*.

Персональные традиции существуют только для данных конкретных лиц и не распространяются на их однофамильцев и даже родственников¹. Персональные традиции следует принять лишь для фамилий наиболее крупных ученых, вошедших в энциклопедии и учебники, именами которых названы формулы и законы. Так, польский физик — Мариан Смолюховский, его однофамильцы — *Смолюховские* (*Smoluchowski*); английский естествоиспытатель Томас Гексли (*Huxley*), его внуки — физики *Хаксли*; ср.: закон Гей-Люссака (*Gay-Lussac*), катализатор Гудри (*Houdry*). Если фамилия какого-нибудь ученого цитировалась в русских оригинальных статьях и монографиях — это еще не значит, что такую транскрипцию фамилии данного автора следует считать традиционной. Так, если советский химик Гринберг в своей монографии протранскрибировал фамилию французского химика Сандерана (*Senderens*) как *Сендеренс*, мы вовсе не должны следовать его примеру и рассматривать *Сендеренс* как традиционную транскрипцию. Транскрипцию в соответствии с определенными правилами следует давать и в том случае, когда в литературе принято одновременно несколько транскрипций одной и той же фамилии. Если какая-нибудь фамилия вошла в русский язык как составная часть имени нарицательного или географического названия, но не вошла в энциклопедии и учебники, традицию на нее распространять не следует: *сеннетова соль*, но *Сеннетт* (*Seignette*), *Гуданов залив*, но *Хадсон* (*Hudson*).

Исходным пунктом в транскрипционной работе должна быть национальная принадлежность лица и язык, на котором оно пишет, — при транскрибировании ономастики; местонахождение и государственный язык — при транскрибировании топонимики.

Рассмотрим ряд конкретных вопросов практической транскрипции на примере отдельных правил, установившихся в практике транскрибирования².

1. Звук [e] принято передавать через русское *э* в начале слова и после гласных и через *е* после согласных: франц. *Quervin* — *Кервен*, нем. *Ernst* — *Эрнст*, англ. *Owen* — *Оуэн*.

Этот пункт встречает наибольшее число возражений. Так, например, Л. В. Щерба считает, что необходимо везде писать *э*, чтобы точнее показать иностранное произношение (отсутствие палатализации предшествующего согласного)³. При этом основным его доводом является отсутствие знакомства у многих с иностранными языками. Он предлагает писать *э* даже в таком «обрусевшем» слове, как *тема*. На это лучше всего ответить словами М. В. Сергиевского: «...принимая во внимание совершенно различную систему произношения русского языка от иностранных в отношении самих гласных и согласных (...редукция неударных гласных или мягкость согласных...), надо просто отказаться от попытки во что бы то ни стало приближаться в транскрипции к типу иностранной речи и, например, писать *всюду э* вместо *е* только потому, что перед последним согласным в русском языке произносится мягко. Все равно этим путем не достигается абсолютная точность воспроизведения, а между тем написание с *э* внутри слова противоречит всем приемам русской графики»⁴.

Вспомнив, что транскрипция служит прежде всего лексикологии, мы еще раз подчеркиваем необходимость создавать не абстрактные звуковые комплексы, а легко читаемые слова русского языка, которые должны войти в словарный состав его и соответствовать нормам русской орфографии.

2. Звуки типа [ɔ] передаются через *э* в начале слова и после гласных и через *е* после согласных: нем. *Ödland* — *Эдланд*, норв. *Møller* — *Меллер*.

Писать *э* в начале слова нельзя, потому что этой буквой передается сложение двух звуков: [j] + [ɔ], а звук [ɔ] никакой йотации не содержит и его можно передавать только буквой, соответствующей одному звуку. В русском языке есть два гласных звука, имеющих общие черты с [ɔ], — это [o] и [a]. Для [o] и [a] общей является огубленность, для [a] и [ɔ] — ряд и подъем, т. е. уклад всех органов речи, кроме губ. Поэтому для передачи [ɔ] в начале слова целесообразнее применять *а* (см., однако, сноску 1-ю на этой странице).

3. Звуки типа [ʊ] принято передавать через *у* после согласных: нем. *Würzler* — *Вюрцлер*. Вопрос о передаче [ʊ] в начале слова затруднителен. Так же, как и в случае

¹ То же самое относится и к «персональным» традициям на передачу географических названий: *Hamburg* — *Гамбург* (Германия), но *Хамбург* (Южная Африка); *Pittsburgh* — *Питтсбург* (Пенсильвания, США), но *Питтсбер* в ряде других штатов США.

² См. инструкции ГУГК по транскрибированию английских, французских, немецких и т. д. географических названий.

³ См. Л. В. Щерба, Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий, «Труды Комиссии по русскому языку [АН СССР]», т. I, Л., 1931, стр. 192—194.

⁴ М. В. Сергиевский, О передаче иностранных фамилий и имен в русском языке, «Сборник [Публ. Биб-ки СССР им. В. И. Ленина]», II, М., 1928, стр. 214.

с [ö], в русском языке есть два гласных, имеющих общие черты с [ü]: [y] — огубленность, [и] — ряд и подъем. Поэтому целый ряд специалистов склоняется к тому, чтобы передавать [ü] в начале слова через *и*. Это верно теоретически и соответствует пути изменения этого звука в индоевропейских языках ($\bar{u} > i$), но практически такая передача вызывает по крайней мере две трудности.

а) У людей, привыкших иметь дело с письменными текстами, *и* никак не может ассоциироваться с [ü]. Да и те, кто знает, что в русской транскрипции *и* заменяет [ü], не всегда при обратной транскрипции догадываются, какой должна быть первая буква подлинного написания данной фамилии. Так, не всякий за транскрипцией *Ибераллы* узнает немецкое *Überall*.

б) Другая трудность возникает при передаче [ü] через *и* в тех случаях, когда за [ü] непосредственно следует [i]. Здесь уже никак нельзя передавать [ü] через *и*. В этом случае инструкции ГУГК предлагают передавать [ü] через *ю*, т. е. так же, как и в середине слова после согласной. Такая передача связана с двойного рода неудобствами, так как она нарушает цельность системы передачи [ü] в начале слова и вводит в русскую транскрипцию лишний звук — йот (поскольку русская буква *ю* изображает сложение двух звуков: [j] + [u]). Чтобы найти практический выход из такого положения, необходимо жертвовать чем-то: или нарушить систему передачи, или, в целях ее сохранения, поступиться точностью передачи. ГУГК в своих инструкциях, как видно, пошел по первому пути. Мы, напротив, считаем возможным пожертвовать точностью передачи ради ее систематичности (ибо инструкции ГУГК все равно не дают полной точности и в результате транскрибирования у нас получаются не немецкие, не французские и т. д., а русские слова), и предлагаем писать *ю* в начале слова перед гласными, и в начале слова перед согласными и *ю* после согласных: франц. *Ussel* — *Уссель*, *Huar* — *Юар*, *Uine* — *Юин*, *Rue* — *Про*.

И эта система обладает рядом неудобств. Передавать же [ü] через *у* — тоже не выход из положения, поскольку это не даст возможности отличать в русской транскрипции [ü] и [u]¹.

4. Долгота гласных, выражаемая надстрочными знаками, буквенной диакритикой, позиционно или удвоенном для всех языков, кроме финского и голландским, не должна отражаться русской транскрипцией, потому что только в этих двух языках имеется единый регулярный способ выражения долготы гласных — долготы, имеющей фонематическое значение и являющейся органической частью системы языка. Да и сами эстонцы, давая в книгах и журналах русскую транскрипцию своих фамилий, настаивают на передаче своих долгих гласных удвоенными русскими буквами: эст. *Kuusik* — *Куусик*.

Составители инструкций ГУГК не правы в данном случае, подходя к эстонским и финским названиям с теми же критериями, что и к немецким и голландским, где долгота не служит к различению столь многочисленных омонимов и где удвоенное написание не является единственным средством различения долготы; так, немецкое долгое [a] в фамилии *Хар* может быть выражено и удвоенным написанием этой буквы, и написанием *h* после *a*: *Haar*, *Nahr*.

В голландском языке долгота гласного может быть выражена позиционно, перед одним согласным, если за ним следует гласный, и удвоением гласного перед двумя согласными или перед одним конечным согласным. Поэтому даже в словах одного корня могут быть разные написания. Так, в двух голландских названиях *Gaagi* имеем два разных способа выражения долготы [a]: *den Haag*, *s Gravenhage*. Иначе обстоит дело в эстонском и финском языках, поэтому нельзя согласиться с С. А. Тюриным, который отказался от передачи долгих гласных на картах Эстонии и Финляндии, приводя в качестве одного из доводов «экономия места»². Не должно нас смущать и то обстоятельство, что двойные русские гласные читаются в два слога, а эстонские и финские — в один. Ведь практическая транскрипция не может быть чисто фонетической и тем более она не является средством обучения произношению. Без удвоенного написания в русской транскрипции будет затруднительна обратная транскрипция, а также различение омонимов.

5. Удвоенные согласные передаются на русский язык удвоенно в интервокальном положении и на конце слова после гласных. Если рядом с удвоенной согласной есть еще хотя бы одна согласная, она удвоенно не передается: франц. *Carcassonne* — *Каркассон*, нем. *Bonnendorf* — *Бондорф*, англ. *Goggle* — *Гогл*. Если удвоенные согласные принадлежат к разным морфемам или одна из них является самостоятельной

¹ Все изложенное в пунктах 2 и 3 не относится к транскрипции с тюркских языков, где ввиду гармонии гласных есть тенденция передавать [ö] и [ü] в начале слова через *о* и *у*: *Ödemiş* — *Одемиш*, *Üsküdar* — *Ускюдар*, *ürük* — *урук*; ср., однако, русск. *изюм* из *изит* при диалектном *изюм*.

² С. А. Тюрин и др. Некоторые принципы передачи географических названий на картах, «Известия АН СССР», Серия географическая, 5, 1953.

морфемой, обе они передаются: швед. *Berggren* — Берггрен, дат. *Anderssen* — Андерсен. В итальянском, эстонском и финском языках, где удвоение согласные, как и гласные в эстонском и финском, составляют неотъемлемую часть системы языка, их следует передавать удвоенно, независимо от положения в слове: итал. *Curci* — Курчи, фин. *Sinkkonen* — Синкконен. Таковы некоторые основные положения практической транскрипции. Скажем несколько слов о форме транскрибируемых имен собственных, в частности о передаче конечных морфем. Относительно передачи польских окончаний *-in-ski*, *-in-ska*, *-i*, *-a* и чешских окончаний *-y*, *-a* в России издавна существовало две тенденции: 1) передавать их в соответствии со звучанием (*Sierpiński* — Серпицкий); 2) передавать их формой русского прилагательного: *Serpinickiy*. Исходя из интересов практики, требующей точности смысла, мы придерживаемся второго способа передачи. Это способствует лучшему пониманию текста и позволяет склонять славянские фамилии, предотвращая их смешение с фамилиями неславянскими, многие из которых не склоняются в русском языке¹. Ср.: «Ответ Мали Новотни» и «Ответ Малого Новотному». Больше того, мы считаем необходимым передавать чешскую букву *y* (фонетически в настоящее время не отличающуюся от *i*) в тех морфемах, где она соответствует русскому *y*, через *y*: *Vyskočil* — Выскочил; *Hrozný* — Грозный.

Спорным является и вопрос о передаче польского окончания *-ów*. Многие считают, что его надо передавать по звучанию *ue*: *Głogów*, *Jasów* — Глогуе, Яснуге; но стоит обратиться к косвенным падежам этих же слов, как мы видим, что их конечный слог становится открытым, а вместе с этим происходит чередование и *[y]* превращается в *[o]*: *Kraków*, *Krakowa* — Кракуе, Кракова и т. д. Кроме того, как будем мы склонять в русском языке имена, оканчивающиеся в именительном падеже на *ue*? Яснуге, Яснуга, Яснугу? Но это было бы новым типом склонения для русского языка. Если же в склонении у нас будет Яснога и Ясногу, то именительный падеж Яснуге теряет всякий смысл. Наконец, необходимо обратить внимание на то, что фамилии на *[-y]* в женском роде имеют *[-ова]*, как и в русском языке, и, если мы будем это окончание передавать по фонетическому принципу, то фамилии авторов мужа и жены или брата и сестры окажутся протранскрибированными по-разному и попадут в разные места картотек и алфавитных указателей. Так что, видимо, здесь нужна не фонетическая, а морфологическая передача.

В подтверждение можно провести параллель с украинскими именами собственными. Харьков по-украински *Харків*, Киев — *Київ*, однако на русский язык они передаются с суффиксами *-ов*, *-ев*, потому что суффиксы эти свойственны русскому языку, а вводимые нами в русский язык имена должны стать частью русской лексики и подчиняться законам словообразования русского, а не украинского или польского языка. Подтверждающим фактором к такой именно передаче является и склонение этих слов в украинском языке: *Харкова*, *Киева*, т. е. в косвенных падежах имеем соответствие склонению русских слов на *-ов*, *-ев*.

Вопрос о форме транскрибируемого слова еще важнее для языков, где имеются флексии именительного падежа, например для латвийского языка. Так, в «Собрании постановлений и распоряжений Правительства Латвийской ССР» (№№ 28 и 31, декабрь 1945, Рига) даются правила по транскрибированию латвийских фамилий на русский язык; в частности, там сказано, что флексии мужского рода *š* и женского рода *a* в русской транскрипции передаваться не должны: *Berziņš*, *Berziņa* — Бериньш. Однако на практике существует большая разноречивость: каждый автор транскрибирует фамилии по-своему и редакции не проводят в этом направлении никакой унификации.

Заканчивая, еще раз подчеркнем условный характер практической транскрипции и возможность передачи многих имен собственных двойким и даже тройным образом; тем не менее необходимо твердо встать на одну из возможных точек зрения и установить единство транскрипции во всех печатных изданиях нашей страны¹.

А. В. Суперанская

¹ Для читателей, интересующихся вопросами практической транскрипции, может представить интерес рецензия Н. С. Пилинского на «Украинско-русский и русско-украинский словарь собственных имен людей» (Киев, 1954; на укр. яз.). — См. журн. «Вісник», 1955, № 6. — Ред.